

**СИОНИСТСКОЕ ОСВОЕНИЕ ПАЛЕСТИНЫ  
НАКАНУНЕ БРИТАНСКОГО МАНДАТА:  
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ  
(1881–1920 ГГ.)**

**Роман БЛИЗНЯКОВ**

Крымский университет культуры, искусств и туризма  
*bliznyakov80@mail.ru*

**Дмитрий МАЛЫШЕВ**

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского  
*darkmalyshev@mail.ru*

**Сергей ЩЕВЕЛЕВ**

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского  
*p.shevelev.s.s@gmail.com*

Выбирая тему исследования, невольно задумываешься о ее актуальности и элементах новизны. Заданная тема статьи, думается, привлечет к себе внимание исследователей, так как затрагивает уникальный опыт освоения периферийного региона и превращения его в один из центров современной мировой экономики.

Показать начальный этап этого освоения и призвано настоящее исследование. Почему именно социально-экономический аспект? Дело в том, что сионистское освоение Палестины начиналось и реализовывалось, прежде всего, в плоскости социально-экономических, а потом уже – политических отношений, если говорить не о глобальном, а о регионально-локальном измерении, не о сионистской теории, а о ее конкретной партикулярной практике.

В реальной исторической действительности «евреи Османской империи не проявляли заметной политической активности. Однако с начала XX века заметным фактором в Восточном вопросе стало сионистское движение, которое по своему происхождению и составу участников было исключительно западным явлением. Провозгласив конечной целью создание в Палестине еврейского государства, сионисты начали скупки земель для расселения еврейских колонистов. Эти колонисты по происхождению, воспитанию и образованию резко отличались от ‘старой’ еврейской общины Палестины. Сионистские лидеры, конечно же, искали контактов в правительствах ведущих стран Европы, но до войны [Первой мировой. – *авторы*] их деятельность не создавала серьезных осложнений. Благодаря организованной иммиграции... еврейское население Палестины увеличилось с 15,6 тысяч человек в 1883 году (3,3% населения) до 60 тысяч в 1914 году (более 8,3%)”<sup>1</sup>.

Упомянув о том, что сионистское движение было исключительно западным явлением (в чем полностью можно согласиться с А. М. Фоминым), не следует говорить также и об исключительно колониальном характере этого освоения. Рассматривать вопрос только в плоскости колониализма было бы совершенно неверно, ибо «евреи никогда не оставляли территорию Земли обетованной насовсем после того, как их изгнали оттуда легионеры императора Адриана во II веке нашей эры. Но до 1881 года они селились на Святой земле, чтобы изучать Тору, молиться за весь народ Израиля в святых городах, жить при этом на пожертвования, которые собирали для них по всему свету у единоверцев, а после смерти – быть в этой земле похороненными”<sup>2</sup>.

Связь евреев и еврейства с Палестиной, как видим, никогда не прерывалась, однако с начала 80-х гг. XIX в. началось освоение Палестины на качественно ином уровне. Хронологические рамки статьи не случайно включают именно этот сорокалетний период – время, когда доминирующим фактором сионистского влияния в регионе было мирное освоение с определенным (насколько было возможно) вариантом аполитичности – аполитичности в ближневосточной проекции.

Следуя авторитету Льва Пинскера, в качестве нижней хронологической рамки исследования мы избрали 1881 г., так как «сионизм

заявил о своем существовании в 1881 году, когда мир перестраивался на империалистический лад, и притягательность национально-освободительных идеалов заметно потускнела... Он возник тогда, когда в мире преобладали наднациональные тенденции – империализм и марксизм... [он. – *авторы*] зародился и просуществовал свои первые пятнадцать лет в Российской империи, то есть стране, где развитие империализма и марксистских идей шло особенно интенсивно”<sup>3</sup>.

В качестве верхнего хронологического порога был взят 1920 г. – точка отсчета британского мандата в Палестине. Именно в пределах этого периода представляется наиболее удобным вычленить социально-экономический аспект сионистского освоения Палестины в определенной абстракции от европейского теоретического сионизма. Некоторые статистические данные авторы приводят, умышленно отходя от строгости хронологических рамок.

Покидая Европу, которая в этот момент впервые в мировой истории примеряет на себя блоковую модель противостояния, обратимся к османской Палестине. Интерес европейцев, не только сионистов, к ней никогда не ослабевал, пожалуй, со времен Крестовых походов. Палестина была ориентиром иудео-христианской цивилизации: “...географический горизонт был одновременно и духовным горизонтом христианского мира”<sup>4</sup>. История отношений средневековых христиан с иноверцами вообще и мусульманами в частности представляет собой историю колебаний и оттенков. В Святой земле, главной точке противостояния христиан и мусульман в прошлом, быстро установились отношения мирного сосуществования, чего нельзя сказать о некоторых регионах Европы.

Например, о Пиренейском полуострове или крайнем северо-востоке: “Русские ненавидели евреев задолго до того, как познакомились с ними воочию. В 1526 году зарубежный дипломат сообщал, что ‘московиты никого так не опасаются как евреев, и потому не допускают их в свои пределы’. Это объяснялось не только государственным устройством России или ее приверженностью к византийским традициям. В Средние века имело место ожесточенное религиозное противостояние христианства и ислама, порождавшее нетерпимость и к другим религиям. Даже те страны, чье участие в Крестовых походах сводилось лишь к отправке во-

енных отрядов, отличались религиозным рвением. Особенно остро это проявлялось в Испании и России из-за их пограничного положения между христианской Европой и мусульманским Востоком. К концу XV века, примерно тогда, когда испанцы окончательно освободились от мавританского владычества, русские сбросили мусульманское иго татар, как Испания, так и Россия вели национально-освободительную войну под лозунгом защиты веры, и нетерпимость к представителям других религий приобрела здесь самые невероятные формы и масштабы.

Если бы в то время евреи появились на Руси, их встретили бы ничуть не лучше, чем в Испании, пожелай они туда возвратиться... Русские цари и в XIX веке придерживались средневековых взглядов на решение еврейского вопроса. С их точки зрения, имелось только два пути: либо крестить иудеев, либо гнать”<sup>5</sup>.

Ставя перед собой задачу изучить социально-экономический аспект освоения Палестины в домандатный период, мы невольно затрагиваем целый комплекс социально-экономических и сопутствующих им политических, культурно-религиозных, ментально-цивилизационных вопросов, объективное освещение которых невозможно без корпуса источников и литературы. Выборочно упомянем некоторые из них: труды Теодора Герцля и Льва Пинскера<sup>6</sup>, без которых сложно вести какое-либо повествование о сионизме; комплексные исследования Бориса Иосифовича Дубсона<sup>7</sup> и Хаима Гвати<sup>8</sup>, описывающие жизнь кибуцев. Отдельно остановимся на диссертации Эдны Элазари “Артур Руппин и реализация сионистской программы заселения и развития Палестины (1908–1943 гг.)”, защищенной в Москве в 2002 г. под руководством А. А. Крюкова. Научные изыскания этой израильской исследовательницы изобилуют интересным, четким и логичным материалом, который помог создать полноценную картину освоения Палестины в домандатный период<sup>9</sup>. Мы также опирались на свои научные достижения предыдущих лет<sup>10</sup>. Завершая на этом обзор источников и историографии, которые не являются предметом досконального изучения, вернемся непосредственно к теме исследования.

Палестина – поистине своеобразная страна. Понять и правильно оценить рассматриваемый период нельзя без учета ее специфики: исто-

рических, политических, общественных, этносоциальных, религиозных и других особенностей. Стандартный “европейский” подход к оценкам палестинской действительности чреват грубейшими ошибками. Поведенческие мотивы местных жителей (прежде всего, арабов) определяла не столько их социально-классовая принадлежность, сколько приверженность традиционным институтам и образу жизни, пришедшим из глубины веков нравственно-этическим и правовым нормам, огромная вера в местных светских и духовных авторитетов и поклонение им, благоговейное отношение к религиозным ценностям. Вместе с тем, несмотря на свою специфику, Палестину нельзя рассматривать изолированно, вне процессов, происходивших в регионе и мире. И географически, и исторически, и духовно эта страна составляет неотъемлемую часть всей ближневосточной общности. И, безусловно, сам Ближний Восток географически, духовно и политически неотделим от европейского контекста.

Падение Византийской империи изменило ход всемирной и европейской истории, повлияв на значение страны: “...с захватом Палестины турками (1516 г.) и включением ее в состав Османской империи эта территория потеряла геополитический статус, который был у нее ранее, и превратилась в район второстепенной значимости в империи. Процесс раздробления, который пережила Османская империя в XVII веке, оказал сильное влияние на Палестину. Сказались годы замедленного развития и заброшенности: долины были заболочены, дороги разбиты, и проезжавший по ним рисковал своей жизнью и имуществом. В 1800 году все население Палестины составляло около 300 тысяч человек. Население делилось на горожан, жителей сел и бедуинов. Города были маленькими, и их население составляло всего несколько тысяч человек: в Хайфе – тысяча, в Яффе – 2750, в Назарете – 1250. Самым большим городом был Иерусалим. В нем проживало около 9 тысяч человек. Сельское население было сосредоточено в основном в предгорных районах. Насчитывалось около 700 сел, население которых жило в бедности и нищете. Тяжелое бремя налогов и сложная система налогообложения привели к тому, что жители сел были вынуждены продавать или закладывать свои участки земли. Большая часть земель в сельской местности принадлежала небольшому количеству богатых арабских семей. Крестьяне (фелла-

хи) были на положении издольщиков и платили тяжелые налоги Оттоманской власти и владельцам земельных участков”<sup>11</sup>.

Переломные изменения произошли во второй половине XIX в., и связаны они были с Восточным вопросом: соперничеством европейских держав, деливших наследство Османской империи, борьбой Великобритании и России, начиная с Крымской войны. Красноречиво характеризовали положение вещей на Ближнем Востоке слова российского императора Николая I: “Турция умирающий человек. Мы можем стремиться сохранить ей жизнь, но это нам не удастся. Она должна умереть, и она умрет. Это будет моментом критическим...”<sup>12</sup>

Османская империя агонизировала почти полвека. Роль Палестины менялась в процессе распада государства на фоне последствий Крымской и Русско-турецкой войн 1877–1878 гг., строительства Суэцкого канала, фактического захвата Египта Англией: “...сооружение Суэцкого канала (1859–1869) и желание правителей Европы господствовать над стратегическими районами, принадлежавшими Оттоманской империи, привели к возрождению интереса ряда государств Европы к этому региону. Преимущества, которых победившие европейские страны добились по итогам Крымской войны, также послужили причиной их активного проникновения на Восток”<sup>13</sup>.

Среди европейских государств Великобритания проявляла к этому региону особый интерес с сугубо практической точки зрения – в отличие, например, от России с ее мессианско-теологическими стремлениями.

В XIX в. геополитические ориентиры Великобритании были очень просты: “безусловное господство в Северном море; оспаривание контроля над Средиземным морем у любой континентальной державы (для чего в обязательном порядке сохранять за собой Гибралтар, а после 1869 года и Суэц); развитие колониальной системы и мировой океанской торговли”<sup>14</sup>.

Великобритания была самой преуспевающей среди других стран: “...под видом филантропической поддержки населения Палестины и религиозных христианских интересов (защита святых для христиан мест и опека над членами христианских общин) некоторые европейские государства (Великобритания, Франция, Россия, Пруссия, Австро-Венгрия и

Италия) начали укреплять свои политические и экономические позиции в Палестине. Сказанное привело к ускорению процесса развития и вывело этот регион из экономического и культурного застоя, в котором он пребывал. Возник интерес к прошлому. Начались исследования в области археологии и географии”<sup>15</sup>. Теперь “Эрец-Исраэль рисовалась избираемым евреям [и их европейским гонителям-прагматикам. – авторы] не как Легендарная Обетованная Земля, а как реальная территория с определенным политическим статусом. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. [как уже было отмечено нами. – авторы] снова выдвинула ‘Восточный вопрос’ на повестку дня, и Страна Израиля стала местом, обозначенным на географической карте, поддержав Турцию накануне Берлинского конгресса, Англия сумела заполучить Кипр – ключевую позицию в ее давних планах овладения Ближним Востоком. И тем самым привлекла политическое внимание к региону. Наконец, Британское вторжение 1882 года в Египет заставило Европу вспомнить о стране пирамид и Библейской Земле Израиля”<sup>16</sup>.

Но, несмотря на изменившийся в последней четверти столетия статус региона, в 80-х гг. XIX в. Палестина была частью Османской империи и входила в Сирийский и Бейрутский вилайеты и Иерусалимский санджак. Само название “Палестина” происходит от перевода с греческого слова “Филистия”, прибрежная полоса земли Ханаан (Израиль). Римляне переименовали название страны в “Сирийскую Палестину”, а потом это название стало употребляться и в Европе<sup>17</sup>.

Это был аграрный район Османской империи с преобладанием крупного помещичьего землевладения. Арабские крестьяне обрабатывали земли на основе издольной аренды: при условии натуральной уплаты пятой части урожая (хумс), которая на практике доходила до двух третей. Это вело к разорению и упадку крестьянского хозяйства. В таких условиях большинство феллахов влачило жалкое существование, едва сводя концы с концами и постоянно находясь в долговой кабале у крупных землевладельцев и ростовщиков. Часть феллахов, разорившись и отчаявшись вести собственное хозяйство при непосильном бремени налогов и высокой арендной плате, бросала свои земельные участки и уходила в поисках работы в город, что приводило к опустошению деревень<sup>18</sup>.

Промышленность Палестины состояла из мелких предприятий, на каждом из которых работало не более десяти человек. В 10–20-е гг. XX в. работало несколько предприятий ткацкой и пищевой промышленности. В Хайфе и Яффе два завода изготавливали детали для оросительных систем. Число рабочих и ремесленников составляло менее 10% всего населения Палестины<sup>19</sup>.

В рассматриваемый период Палестина представляла собой одну из наиболее экономически отсталых стран Ближнего Востока. На ее территории не было сколько-нибудь значительных залежей полезных ископаемых. Таким образом, не природные богатства привлекали сюда европейские страны. Речь шла и не о новых рынках, так как и с этой точки зрения Палестина с ее малочисленным и бедным населением не представляла особого интереса. Она оказалась в центре внимания европейских держав благодаря своему исключительно выгодному стратегическому положению. Важность этого положения особенно возросла после того, как в непосредственной близости от нее, на территории Египта, был проложен Суэцкий канал, связавший Средиземное море с Индийским океаном и ставший важнейшим звеном мировых коммуникаций. Через территорию Палестины проходили также основные сухопутные магистрали между средиземноморским побережьем и Персидским заливом. Кроме того, в соседней Месопотамии германские геологи обнаружили огромные запасы нефти. Таким образом, Палестина становилась важнейшим плацдармом, с которого можно было захватить Месопотамию и ее нефтеносные районы. Огромное значение имела она и в борьбе империалистических государств за раздел “наследства” Османской империи, чей окончательный политический и экономический крах становился делом недалекого будущего.

Среди основных претендентов на захват Палестины следует особенно выделить Великобританию, которая, завладев Египтом, вынашивала планы установления своего господства на Аравийском полуострове и в Месопотамии. Тем не менее англичанам пришлось столкнуться с жесточайшей конкуренцией со стороны Германии и Франции, которые не собирались так просто уступить столь важный стратегический объект.



Однако Палестина обладала особенностью, отличавшей ее от других заморских территорий. Скудость природных ресурсов не давала возможностей для быстрого обогащения и потому не стимулировала приток европейских поселенцев. К тому же, Палестина находилась под властью турецкого султана, что также не привлекало европейцев. Если же к этому добавить тяжелые климатические условия этого района, то станет ясно, что европейские искатели счастья не испытывали ни малейшего желания ехать осваивать палестинские земли. Таким образом, империалистические державы, претендовавшие на Палестину, не имели под рукой необходимого человеческого ресурса, который можно было бы использовать для колонизации страны<sup>20</sup>.

Однако этот необходимый человеческий ресурс вскоре появился: “В 1880 году население Палестины составляло около 450 тысяч человек. На протяжении около 300 лет большинство евреев в Палестине были подданными Оттоманской империи, прибывшими туда из стран Востока и с Балканского полуострова. Они жили в четырех святых городах (Иерусалим, Цфат, Тверия и Хеврон), в основном занимались изучением Библии и существовали на пожертвования, которые присылались из диаспоры. Заинтересованность европейских правительств в предоставлении убежища и защиты евреям из Европы в Палестине, в улучшении условий жизни и безопасности там, в лучшей связи с Европой (чему содействовало начало регулярных рейсов пароходов), а также уже отмеченные примеры роста антисемитизма в Европе – все эти факторы привели к началу заметного роста еврейской эмиграции из стран Европы в Палестину. Поддержка этого процесса на правительственном уровне облегчила деятельность отдельных евреев-филантропов и еврейских филантропических организаций, которые работали над увеличением численности и общим развитием еврейской общины в Палестине. Таким образом, была подготовлена почва для реализации идей сторонников ‘Ховевей Цион’. Начиная с 1880-х гг., в процессе иммиграции в Палестину начали происходить принципиальные изменения. С этого времени иммиграция превратилась в ‘алию’, т. е. более или менее организованную сионистскую идейно-практическую деятельность по переселению и устройству евреев на исторической родине”<sup>21</sup>.

В израильской историографии, как отмечает Э. Элазари, принято делить и считать волны-алии по периодам, а также по демографическим и идеологическим особенностям прибывавших: “В период Первой алии (1881–1903 гг.) приехало около 30 тысяч человек. Многие из них были образованными людьми, выходцами из среднего класса, большая часть из России, а меньшая из Румынии. Одни из них поселились в новых районах Иерусалима или в Яффо, другие – в сельскохозяйственных поселениях. К этим людям относились как к элите первопроходцев. Они глубоко верили в идею возвращения еврейского народа в страну отцов и в необходимость работы на земле. Они полагали, что основой национального возрождения станет строительство сельскохозяйственных поселений. Названия, которые они давали основанным ими поселениям, свидетельствуют об их мечтах: Первый в Сионе, Чудо Сиона, Память Яакова и т. д. Приобретение земель в Палестине считалось задачей первостепенной важности в сионистской деятельности. ‘Необходимо, чтобы вся земля Эрец-Исраэль или, по крайней мере, большая ее часть была собственностью народа Израиля. Без права собственности на землю никогда не будет еврейской Эрец-Исраэль’”<sup>22</sup>.

Итак, появление человеческого ресурса было связано с возникновением и политическим оформлением сионизма в конце XIX в. Таким образом, вопрос теперь состоял только в том, кому из европейских держав удастся использовать в своих целях человеческий ресурс сионистских организаций. Религиозный сионизм существовал в диаспоре всегда, опираясь на веру в “мессию”, который соберет еврейский народ на горе Сион. Политический же сионизм возник только в начале XIX в. Причем религиозные сионисты считали политический сионизм “узурпацией” прав “мессии” и шарлатанством<sup>23</sup>.

Идеологически и организационно политический сионизм оформился в конце XIX в. Израильский исследователь А. Д. Эпштейн в своей монографии “Возрождение еврейской государственности и нерешенный ‘еврейский вопрос’” отмечает: “С первых дней своего существования сионизм должен был ответить на два совершенно разных вызова времени: погромы – и эмансипацию”<sup>24</sup>. С этим утверждением можно полностью согласиться<sup>25</sup>.

Сионизм как идейно-теоретическое движение имеет европейские корни, он тесно связан с историей Европы в целом и Восточной Европы в особенности и, безусловно, с историей Российской и Германской империй. Это путь поиска и осознания собственной идентичности, адекватности самим себе как этносу на фоне погромов и новых европейских тенденций.

Если говорить о России, то “в 80-е годы XIX века [в ней. – *авторы*] доминировали две противостоящие национализму силы – империализм и марксизм. Под натиском правительственной тирании и революционных выступлений капитулировали даже национально-освободительные движения поляков и украинцев с их давним опытом борьбы. Сам факт, что, несмотря на такие неблагоприятные условия, еврейское национальное движение все же возникло, свидетельствует о его насущности. Ситуация, в которой оказались евреи, была настолько острой, что не только пробудила это движение к жизни, но и выпестовала его, и вывела на историческую арену”<sup>26</sup>.

Главной целью сионистского движения было физическое спасение евреев, повсеместно подвергавшихся преследованиям именно в силу своего происхождения и вероисповедания. Особенно актуальна эта цель была для евреев России и Германии. В течение всего XIX в. и до конца Первой мировой войны еврейский вопрос в России стоял очень остро. На территории империи, занимавшей большую часть Восточной Европы, проживало 2/3 мирового еврейства, хотя до 70-х гг. XVIII в. евреев в России практически не было. Такая концентрация возникла не из-за миграции европейских евреев на восток, а из-за Российской экспансии на запад: “Россия присоединила польские территории, веками служившие прибежищем для гонимых в Европе евреев... Еврейское национальное движение в России сложилось задолго до того, как вышло на политическую арену, и окончательно оформилось еще в конце 70-х гг. XIX века. Но стать реальной общественной силой, как это часто бывает, ему помог внешний фактор – массовые погромы 1881 года. Одновременно произошли погромы и в Германии, которую захлестнула новая волна антисемитизма, однако немецкие евреи остались невозмутимыми, будто не на них обрушился шквал ненависти”<sup>27</sup>.

Лидеры сионизма стали называть Палестину Землей Израилевой (Эрец Исраэль), объявив ее национальным центром для евреев всего мира. Этот термин берет начало в религии: "...как имя, данное патриарху Иакову, 'Израиль' выражает веру в обещание Бога Аврааму дать землю его народу". Один из холмов, на которых был построен Иерусалим, называется Сион, и термин "сионизм" выражал надежду евреев на возвращение сюда: "...он стал означать, однако, нечто более политическое, отождествление государства с землей, сионизма с иудаизмом, стал источником постоянных конфликтов и неразберихи"<sup>28</sup>.

Итак, сионизм вывел приобретение земель из чисто финансово-экономической сферы и придал ему духовно-идеологический статус, оправдание своего существования: "Приобретение земель евреями в Палестине получило название 'Освобождение земли' и, таким образом, вывело 'Землю Израилеву' из коммерческого контекста и ввело ее в контекст неразрывной духовной связи еврейского народа с его исторической Родиной. Секулярное использование библейского понятия 'освобождение' подразумевало также идейно-воспитательную мысль об избавлении еврейской земли от чужих (читай: арабских) рук, а также возвращение сыновьям, которые вызволят ее из состояния заброшенности и запущенности и подготовят к новой жизни расцвета и прогресса"<sup>29</sup>.

Но коммерческий контекст присутствовал очень ярко и, безусловно, имел место быть. Еще с начала 80-х гг. XIX в. евреи скупали земли в Галилее, Иудее, Негеве и особенно – в стратегически и экономически важном для последующей колонизаций Палестины районе – прибрежной Средиземноморской полосе<sup>30</sup>. В основном это были необрабатываемые участки, песчаные или болотистые, а потому чрезвычайно дешевые. Земли в этих районах были практически непригодны для выращивания зерновых. Только с конца XIX в. еврейские поселенцы стали выращивать здесь цитрусовые. Кроме того, во времена Османской империи феллахи предпочитали селиться около городов, опасаясь набегов бедуинских племен.

В 1858 г., еще во времена Османской империи, был опубликован земельный закон, разрешавший богатым арабам, проживавшим в Ливане, Сирии, Иерусалиме и Яффе регистрировать на свое имя большие

земельные участки в Палестине. Такая практика получила широкое распространение, потому что эти земли, как правило, не обрабатывались и облагались минимальным налогом, а немногочисленное население давало согласие на регистрацию, рассчитывая приобрести покровителей и освободиться от уплаты налогов. Первое еврейское сельскохозяйственное поселение организовал в этом районе сэр Мозес Монтефиоре около Яффы в 1855 г. Еще в 1839 г. по инициативе того же Монтефиоре началась перепись еврейского населения Палестины. По его же инициативе и при его помощи в Иерусалиме открылись аптека и поликлиника, куда он направил дипломированного врача – первого в Палестине. В Иерусалиме была построена ткацкая фабрика, заработали типография и первая в Палестине ремесленная школа для девушек<sup>31</sup>.

Однако обладание землей не бывает совершенно легким и беспрепятственным. Так, “юридический статус земли в Османской империи, ограничение на приобретение земель, которые налагались на тех, кто не является подданными этой империи, проблема феллахов (арабских арендаторов), османская бюрократия, скачки цен на землю, конкуренция с европейскими державами, пытавшимися укрепить свое влияние с помощью приобретения земельных массивов, – все это затрудняло деятельность по приобретению земель евреями”<sup>32</sup>.

Более того, необходимо было грамотно организовать переселение, дабы сократить экономические издержки. Покидая Европу, евреи избегали тех ошибок, которые будут допущены другими народами, в том числе и в XX в. на постсоветском пространстве.

Вот как об этом пишет Теодор Герцль: “Приготовления, которые необходимо сделать каждому переселенцу в отдельности, не могут быть предметом нашего рассмотрения. Но Компания, нуждаясь в больших участках земли для своих надобностей, обеспечит себе нужную землю посредством централизованных покупок. Главную роль будет играть приобретение государственных имуществ теперешнего правительства страны. Цель состоит в том, чтобы ‘там’ стать обладателями земли без головокружительного подъема цен, а ‘здесь’ – продавать не вызывая падения цен. Не приходится опасаться разнузданной спекуляции, ибо земля приобретает ценность только с появлением Компании, которая

руководит колонизацией с согласия и под надзором Союза евреев. Последний позаботился и о том, чтобы это предприятие оказалось Суэцем, а не Панамой. Компания отведет своим служащим участки под дома на льготных условиях, предоставит им для постройки красивых жилищ кредит с постепенным погашением долга путем вычета из жалования или из тех прибавок, которые будут делаться к нему. Это будет вознаграждением за их службу сверх почета, который их ожидает. Весь огромный барыш, который получится от этой земельной спекуляции, принадлежит Компании, так как она, подобно всякому свободному предпринимателю, за свой риск должна получить неограниченную премию. Где предприятие сопряжено с риском, там надо широко покровительствовать предпринимательской выгоде. Но только в этих случаях это и допустимо. В правильном соотношении риска и прибыли и заключается финансовая нравственность”<sup>33</sup>.

Таким образом, кроме религиозных мотивов появились экономические и политические. До 1881 г. евреи возвращались в Палестину по религиозным мотивам: “...чтобы изучать Тору, молиться за весь народ Израиля в святых городах, живя при этом на пожертвования, которые собирали для них по всему свету у единоверцев, а после смерти – быть в этой земле похороненным”. Иммиграция евреев в Палестину активизировалась в конце XIX – начале XX в. В это время барон Эдмонд Ротшильд (1845–1934) основывал и развивал еврейские сельскохозяйственные поселения в Палестине. С этой целью он создал Палестинскую еврейскую колонизационную ассоциацию и разветвленный административный аппарат, состоявший из управляющих, врачей и учителей. Эта деятельность осуществлялась с 1883 по 1899 г., и за этот период барон Ротшильд вложил в создание и развитие еврейских поселений 1,6 млн. фунтов стерлингов. Давид Бен-Гурион (с 1935 г. председатель Исполкома Еврейского Агентства в Палестине) называл барона Э. Ротшильда “прагматичным фантазером”, который покупал земли в Палестине и создавал в Петах-Тикве, Ришон ле Ционе, Зихрон-Яакове сельскохозяйственные поселения для еврейских иммигрантов, и “чем больше он осыпал их золотом, тем быстрее исчезал сионистский пыл колонистов. Они перестали обрабатывать землю, нанимая для этого арабских крестьян”<sup>34</sup>.

В 1890 г. Э. Ротшильд перевел средства своей Ассоциации Еврейскому колонизационному обществу (ЕКО). ЕКО было создано в Лондоне в сентябре 1891 г. бароном Морисом де Гиршем для содействия евреям-иммигрантам из России и других стран Восточной Европы в колонизации Аргентины. ЕКО помогало также еврейским иммигрантам из России в Палестине, создавая там еврейские сельскохозяйственные поселения.

Эти поселения необходимо описать подробнее. Об их пионерах повествует Борис Иосифович Дубсон: “Израиль и кибуцы неразделимы, последние стали своего рода визитной карточкой страны. Но возникли кибуцы намного раньше, чем современное государство Израиль, в одной из самых отсталых провинций Оттоманской империи – Палестине в начале прошлого века. . . И тем не менее еще за сто лет до появления кибуцев, в начале XIX в., еврейское население Палестины насчитывало всего лишь несколько тысяч человек, проживавших в четырех освященных традицией городах: Иерусалиме, Сафед (Цфате), Тиверии и Хевроне. К середине XIX столетия численность еврейского населения Палестины достигла 12 тысяч человек, включая относительно небольшую группу ашкеназов (евреев-выходцев из европейских стран). Подавляющее большинство ашкеназских евреев влачило жалкое существование и жило на пожертвования зарубежных еврейских общин в отличие от восточных евреев-сефардов, среди которых было немало ремесленников и торговцев. Первые сельскохозяйственные поселения евреев в Палестине ‘Петах-Тиква’ к северу от Яффы и ‘Гей-они’ в Галилее были основаны в 70-е гг. XIX века, но в силу разных причин поселенцы были вынуждены их покинуть. В следующее десятилетие начинается качественно новый этап возвращения евреев на землю предков – в отличие от прежних волн иммиграции в страну стали прибывать те, кто был воодушевлен идеей национального возрождения еврейского народа. У новых переселенцев была определенная цель – создание земледельческих поселений как основы укоренения еврейского народа на его исторической Родине. И с этой точки зрения 1882 год стал поворотным пунктом в истории ‘ишува’ (еврейского населения Палестины). Именно тогда прибыли переселенцы в количестве, превосходившем какие-либо иммиграционные волны

евреев за последние столетия, и ими были основаны первые сельскохозяйственные поселения... Выходцы из России основали 'Ришон-ле-Цион' и восстановили 'Петях-Тикву', а румынские переселенцы создали 'Рош-Пину' в Галилее и 'Зихрон-Яков' в Самарии. Вслед за ними в 1890–1891 гг. были основаны сельскохозяйственные поселения 'Реховот' и 'Хадера'. Трудно сказать, как бы сложилась судьба новых поселений, если бы им в критический момент не пришел на помощь барон Эдмунд Ротшильд... [Однако. – *авторы*] вместо того, чтобы стать самостоятельными хозяевами, поселенцы превратились в крестьян, подчиненных управляющим Ротшильда. Недовольство колонистов привело к многочисленным конфликтам между ними и администраторами, назначенными Ротшильдом, и, в конечном счете, он передал в 1899 году управление поселениями в Палестине Еврейскому колонизационному обществу (ЕКО), созданному другим французским евреем – бароном М. де Гиршем. Это общество основало ряд новых поселений, базировавшихся не на фруктовых насаждениях, а на зерновых культурах<sup>35</sup>.

Созданная на Базельском конгрессе 1897 г. Всемирная Сионистская Организация (ВСО) учредила несколько экономических предприятий. Среди них был Еврейский колонизационный банк (1899 г.), сразу же выпустивший два миллиона акций по одному фунту стерлингов каждая. Кроме банковских операций банк занимался кредитованием сионистских учреждений, создаваемых под эгидой ВСО. Вскоре открылись и его филиалы: Англо-палестинская компания, впоследствии – Англо-палестинский банк (1903), и Англо-Левантский банк (1906), которые, в свою очередь, открыли собственные отделения, предоставлявшие займы еврейским сельскохозяйственным поселениям и промышленным предприятиям, занимались страхованием, финансированием жилищного строительства и другими операциями. Англо-палестинский банк стал основным финансовым учреждением подмандатной Палестины.

В 1901 г. на V сионистском конгрессе в Базеле был создан Еврейский национальный фонд (Керен Каемет), основанный на добровольные пожертвования евреев из всех стран мира. Инициировал его создание Герман Шапиро, которого поддержал Т. Герцль. Целью и задачей Фонда было приобретать земли в Палестине в неотчуждаемую



собственность евреев и сдавать их в аренду еврейским поселенцам для обработки своими руками. Фонд должен был покупать земли в “Палестине, Сирии, на Синае, в других частях азиатской Турции”. Всего Керен Каеметом за время “турецкого и британского владычества было приобретено более миллиона дунамов (100 000 га, 1 дунам – 0,1 га) земли”. Для добровольных пожертвований были придуманы “голубая копилка”, “золотая книга” и марки Керен Каемета, ставшие символами сионистского движения. Голда Меир в своих мемуарах писала об одном из них: “С детских лет я помню синюю жестяную копилку, что стояла у нас в гостиной, рядом с субботними свечами, в которую не только мы, но и наши гости еженедельно опускали монеты; такая синяя копилка имела в каждом еврейском доме, где мы бывали. И на эти-то монеты еврейский народ начал с 1904 года покупать обширные участки палестинской земли”. Земли покупали, как правило, по высоким ценам, что было выгодно крупным арабским землевладельцам, значительная часть которых, как отмечалось выше, проживала вне Палестины. К проблеме этих “отсутствующих владельцев” та же Голда Меир относилась так: “Честно говоря, мне здорово надоело слышать о том, как евреи ‘украли’ у арабов землю в Палестине. Дело обстояло совершенно иначе. Много полновесной монеты перешло из рук в руки, и много арабов стало очень богатыми людьми”. Профессор Кембриджского университета Дж. Гейнсборо считает, что наиболее плодородные земли в Палестине продавали евреям не отсутствующие местные феодалы, а власти Османской империи, стремившиеся привлечь еврейский капитал в обескровленную экономику региона. И турки, и сионистские лидеры “были совершенно безразличны к чувствам и устремлениям коренного арабского населения Палестины... Сионистская колонизация рассматривалась местными арабами как угроза, и в немалой степени именно она дала импульс усилению палестинского национализма”<sup>36</sup>.

Однако советская историческая наука в сугубо мирный процесс приобретения земли не верила, и здесь преобладали более эмоциональные оценки. Вот некоторые из них.

Проникновению евреев сопутствовало приобретение участков у арабских феодалов, но “скупка земель сопровождалась их ‘очищением’,

то есть сгоном феллахов-арендаторов и заселением еврейскими колонистами. После образования государства Израиль процесс обезземеливания палестинских арабов приобрел еще более широкие масштабы<sup>37</sup>.

Миграции и обезземеливание изменили этнический состав региона. Если перед первой волной сионистской иммиграции, начавшейся в 1882 г., в Палестине жило 24 тысячи евреев, то перед созданием государства Израиль в 1948 г. здесь насчитывалось уже 1970 тысяч жителей, из них арабов – 1280 тысяч, а евреев – 650 тысяч, остальные же 40 тысяч приходились на другие народности<sup>38</sup>.

Не нужно пытаться смягчить или приукрасить процесс скупки земель. Он порождал и определенную конфликтность. Столкновения начались еще с марта 1887 г., когда арабы напали на еврейское поселение Петах-Тиква, в результате чего было ранено пять человек. 14 200 дунамов земли для этого поселения купили у землевладельцев-христиан из Яффы Антона Бишара Таяна и Салима Касера. Но на 2 600 дунамах этой земли проживали арабы, владевшие ею на протяжении нескольких поколений<sup>39</sup>. Сделку зарегистрировали османские власти. Подобный конфликт с турецкой администрацией в Палестине был далеко не единственным. А завершались эти конфликты всегда арабо-еврейскими столкновениями.

Вина за эти столкновения, на наш взгляд, лежит на властях Османской империи и самих арабах-владельцах земли, не имевших четкой гражданской (насколько допустимо употребление этого слова в данном контексте) позиции в земельном вопросе.

В экономическом отношении Палестина продолжала оставаться сельскохозяйственной областью. К началу английской оккупации почти вся обрабатываемая земля принадлежала арабским помещикам. Как правило, собственного хозяйства такие помещики не вели, и всю землю они сдавали в аренду феллахам. Формы земельной собственности были типично средневековыми. Всего насчитывалось пять видов такой собственности:

- Мульк – земли, находившиеся в полной частной собственности. Общая площадь таких земель была невелика. Как правило, их занимали застройки – дом и дворовые службы. Обрабатываемых земель этой категории было очень мало.

- Мири – государственные земли, находившиеся в пользовании крестьян-арендаторов, которые уплачивали десятину мандатариию.
- Вакф – земли, право на которые определялось принципами религиозного характера. Таким было подавляющее большинство обрабатываемых земель. Известно, что вакф – чисто исламский институт, и первоначально к нему относились земли мусульманского духовенства и духовных учреждений. К XX в. характер вакфного землевладения в Палестине значительно изменился. Чтобы избежать высокого поземельного налога в государственную казну Османской империи, собственники муьков всякими правдами и неправдами превращали свои земли в вакфы. В этом случае с обрабатываемой земли уплачивалась только церковная десятина, хоть и доведенная при турках до 12,5% урожая. В Палестине к вакфам относились земли не только мусульман и мусульманских учреждений, но и других религиозных общин, в том числе и христиан различного толка. После английского завоевания вакфы перешли под юрисдикцию высших судов религиозных общин, но должны были платить десятину государству, то есть мандатариию.
- Следующая категория землевладения – метруке – это земли общего пользования: пастбища, места водопоев, токи для молотбы, дороги, торговые площади. Они находились под управлением мандатных властей.
- И, наконец, земли меват – государственные земли. К ним относились немногочисленные леса, горы, болота, солончаки, дюны и другие мертвые, необрабатываемые земли<sup>40</sup>.

Большинство обрабатываемых земель принадлежало к категориям мири и вакф. Они находились в наследственном держании крестьян-арендаторов. При этом никаких документов об аренде, как правило, не существовало. Арендатор обрабатывал свой участок по традиции, на правах давности. Более того, во многих деревнях существовал средневековый обычай перераспределять земельные участки раз в два

года<sup>41</sup>. Этот обычай самым отрицательным образом сказывался на урожайности и уровне развития сельского хозяйства вообще. Поскольку крестьянин, как правило, через два года получал новый участок, он не стремился повышать плодородие земли, почти не применял удобрений, и произведенная продукция едва-едва позволяла палестинскому феллаху сводить концы с концами.

В 1921 г. евреи приобрели в Палестине 90 785 дунамов земли, в 1925 – 101 131, в 1934 – 62 111, в 1935 – 72 905, в 1929 – 64 517. По данным британской администрации, за период с 1920 по 1939 гг. евреи приобрели в Палестине 770 205 дунамов земли; по данным Еврейского Агентства – 905 000 дунамов. С учетом земли, купленной в Палестине сионистскими и несионистскими организациями до Первой мировой войны, эти показатели составляли соответственно 1 420 200 и 1 305 000 дунамов. С 1878 по 1936 гг. 52,6% этих земель было куплено у крупных землевладельцев, проживавших вне Палестины, 24,6% – у богатых палестинских землевладельцев, и только 9,4% – у феллахов. Вполне естественно, что скупка земель сионистами вызывала многочисленные жалобы арабского населения и открытые вспышки недовольства. Поэтому мандатные власти вынуждены были как-то регулировать земельные сделки. В 1921 г. Верховный комиссар издал постановление, закреплявшее в собственность за наследственными арендаторами их участки на землях категории мири, то есть на землях под непосредственным контролем мандатария. Однако это решение не касалось вакфов, составлявших подавляющее большинство земельных угодий, и сгон крестьян-арендаторов продолжался. В последующий период мандатные власти были вынуждены вновь возвращаться к регулированию земельных сделок, но оно, по признанию самих англичан, было малоэффективным, и действительное число согнанных арендаторов так и осталось неизвестным. Около 90% арабского населения Палестины занималось сельским хозяйством. Сюда же относилось свыше 100 тыс. кочевников-бедуинов. Ни одно промышленное предприятие арабам не принадлежало, и остальные 10% самодеятельного населения были заняты в сфере торговли и обслуживания. Арабский пролетариат насчитывал только 25 тыс. человек, занятых на железнодорожном транс-

порте и предприятиях, которые принадлежали, главным образом, еврейским капиталистам.

После установления мандатного управления Палестина была включена в стерлинговую зону, что сразу же поставило ее в экономическую зависимость от страны-мандатария. В 20-е годы правительство Великобритании старалось выполнять в Палестине принципы, изложенные в Декларации Бальфура. В октябре 1920 г. вступил в силу указ британской администрации “О передаче земли”, который разрешал в Палестине свободную продажу и покупку земли при соблюдении одного условия: все земельные сделки должны были фиксироваться в британских официальных органах. В этом указе были некоторые ограничения на продажу земель, которые принадлежали крупным землевладельцам и на которых были арендаторы. Но практически никто, ни покупатели, ни продавцы, этим ограничениям не подчинялся: после нескольких лет пользования землей, когда она уже достаточно истощалась, арендаторы предпочитали получить взамен за отказ от права аренды денежную компенсацию. А так как закон о продаже земли предусматривал продажу без арендаторов, то продавец путем выплаты подобной компенсации добивался освобождения земельных участков<sup>42</sup>.

Еще в 80-х гг. XIX в. в Палестине стали обосновываться еврейские иммигранты из Европы, в основном из Российской империи и Румынского королевства. Они положили начало первой алии (1882–1903 гг.). В 1880 г. в Палестине проживало менее 25 тысяч евреев, а в 1914 г. их было уже 85 тысяч. С началом Первой мировой войны численность еврейского населения Палестины упала: в 1916–1918 гг. она составляла 57 тысяч человек и только в 1922 г. снова достигла уровня 1914 г.<sup>43</sup>

В начале XX в., после первой волны иммиграции, в Палестине из всего полумиллионного населения 4,5 тысячи евреев проживало в сельской местности, и 45 тысяч – в городах. В 1920 г. население Палестины достигло 750 тысяч человек, подавляющее большинство из которых составляли арабы. Евреев в это время насчитывалось 67 тысяч.

Руководители ВСО рассматривали известную Декларацию Бальфура (ноябрь 1917 г.) как официальное разрешение на иммиграцию

в Палестину и ее освоение. Х. Вейцман впоследствии писал: “Мы хотели британского протектората. Евреи во всем мире доверяли Англии. Они знали, что при английском господстве законность и порядок будут обеспечены, и никто не будет мешать еврейской колонизации и культурному развитию. Поэтому мы могли надеяться, что наступит время, когда мы станем достаточно сильными, чтобы претендовать на определенную степень самоуправления”. Освоение Палестины осуществляли в основном три группы сионистских и несионистских колониальных учреждений: 1) Департамент колонизации ВСО и Всеобщая федерация еврейских рабочих (Гистадрут); 2) Палестинская еврейская ассоциация колонизации (ПИКА), образованная в 1908 г. и зарегистрированная в Англии в 1909 г.; 3) различные коммерческие земельные и строительные компании, куда входили и частные общества, например, Беней Бенджамин и Англо-еврейская ассоциация. На конференции ВСО в 1920 г. (Лондон) были определены основные направления практической деятельности ВСО по колонизации Палестины. Основная роль отводилась массовым скупкам земли через фонды ВСО, созданные благодаря добровольным пожертвованиям, при этом приобретенная таким образом земля определялась как “общественная собственность еврейского народа”. Был создан Учредительный фонд (Керен Гаесод), основной задачей которого было сформировать “постоянные национальные институты” и еврейские предприятия в Палестине. Керен Гаесод был зарегистрирован как британская компания в марте 1921 г. и сразу же развернул активную деятельность по организации еврейских сельскохозяйственных поселений в Палестине. За период с 1 апреля 1921 г. по 30 сентября 1929 г. в этот фонд из других стран поступило 3 965 200 палестинских фунтов, а за период с октября 1929 г. по октябрь 1939 г. – 3 390 474 палестинских фунта. В том числе из США за все это время поступило 3 425 414 палестинских фунтов.

Вторым по важности фондом был Еврейский национальный фонд (Керен Каемет ле-Израэль), образованный на V сионистском конгрессе в Базеле 29 декабря 1901 г. и также занимавшийся скупкой земли в Палестине. Общий вклад этого фонда в колонизацию Палестины с 1907

по 1936 г. составил 4 560 тысяч палестинских фунтов. Оба фонда за период между 1917 и июнем 1936 г. вложили в освоение Палестины 9 409 тысяч палестинских фунтов, из которых 6 214 тысяч принадлежало Керен Ѓаесоду, а из них, в свою очередь, 1,9 миллиона было вложено в скупку земли и организацию сельскохозяйственных поселений, 478 тысяч – в городскую колонизацию, 1 487 тысяч – в систему образования, 817 тысяч – в иммиграцию, 523 тысяч – в организацию общественных работ и т. д.

Эти фонды за период 1910–1914 гг. приобрели в Палестине 62 тысячи турецких дунамов земли (турецкий дунам – 919,3 м<sup>2</sup>) стоимостью 90 тысяч палестинских фунтов; в период между 1921–1928 гг. – 330 тысяч турецких дунамов на сумму 1 502 500 палестинских фунтов; в 1929–1938 гг. – 560 тысяч турецких дунамов на 2 575 785 палестинских фунтов. Кроме того, за этот период фонды приобрели 20 516 дунамов в Иерусалиме, Хайфе, Тель-Авиве и других городах Палестины.

В официальных документах Еврейского Агентства (Устав Еврейского Агентства: положения, касающиеся владения землей и найма на работу) и фонда Керен Ѓаесод говорилось: “Земля должна приобретаться как еврейская собственность и считаться неотчуждаемой собственностью еврейского народа. Агентство способствует сельскохозяйственной колонизации, основанной на труде евреев... считается делом принципа, чтобы использовался труд евреев...” Документ фонда Керен Ѓаесод “Использование рабочей силы” в статье 7 гласил: “Настоящим поселенец берет на себя обязательство, что... если и когда он будет вынужден нанять работника, он наймет только еврея”. Тогда же была поставлена задача создания чисто еврейского государства в Палестине. Оно, по словам Х. Вейцмана, должно было стать “настолько еврейским, насколько Англия является английской”. Всего еврейских национальных фондов, занимавшихся колонизацией Палестины, насчитывалось около двадцати<sup>44</sup>.

И вот здесь мы подошли к критической черте, где социально-экономический аспект освоения Палестины не может больше оставаться только социально-экономическим, точнее, не может полноценно развиваться без политической и идеологической составляющей.

Конечно, “идеологии не в состоянии никого накормить, но они дают миллиардам людей смысл и оправдание своего коллективного существования”<sup>245</sup>. Смысл коллективного существования в Святой земле заключался не только в социально-экономическом освоении (хотя в практической плоскости в рассматриваемый временной отрезок это и выглядело именно так), но и в полноценном приобретении (или обретении – и то, и другое справедливо) своей земли: слишком много евреи вкладывали в чужую... которая так и не стала своей.

Бен-Цион Нетаниягу очень четко описал процесс освоения Палестины и реакцию мирового сообщества: “Но вот удалось переправить в Эрец-Исраэль несколько сотен тысяч евреев. И что же произошло? Все заметили это, и как еще – не только местные жители и власти, но все страны Средиземноморья и весь мир! Как можно было предполагать, что подобное переселение народа останется незамеченным? Прежде всего, в той стране, откуда уезжает масса людей, образуя лакуны в экономической структуре общества, что, в свою очередь, вызывает внутреннее перераспределение населения. Такое не может остаться незамеченным. Во-вторых, эмигранты вывозят собственность, и когда поток отъезжающих значителен, администрация реагирует на это введением жестких таможенных ограничений. Наконец, иммигранты приезжают в новую страну не для того, чтобы, как преступники, прятаться от людей; напротив, они разворачивают интенсивную деятельность – собирают информацию, покупают землю, создают новые предприятия, привносят свой жизненный уклад и свое видение мира. Этого нельзя не заметить, и местные жители начинают задаваться вопросом: зачем эти люди сюда приехали? Подобные перемены особенно ощутимы, если дело касается евреев, нации, испокон веков кочующей из страны в страну и неизменно вызывающей пристальное к себе внимание, а зачастую и неприязнь местного населения. Тем более, не может пройти незамеченной еврейская иммиграция в Эрец-Исраэль, направленная на создание национальных поселений. В ходе таких рассуждений Т. Герцль пришел к четкому выводу: ‘Тот, кто полагает, что евреи могут незаметно проникнуть в страну своих предков, вводит в заблуждение себя и других. Ни в какой другой стране появление евреев не обнаружится так скоро, как



на их исторической родине. Именно потому, что это – их историческая Родина”<sup>46</sup>.

Т. Герцль прекрасно понимал, что при освоении Палестины необходимо использовать информационный ресурс, завоевать право на землю: “Любая попытка укоренения евреев завершалась крахом, ибо у них никогда не было права на землю, в которую они вкладывали свои усилия. Следовательно, надо изменить порядок вещей и первым делом гарантировать нации это право. Только тогда попытка прижиться не провалится. Поэтому Герцль принципиально отвергал политику ‘тихого переселения’, действительно ‘...глупо строить дом без плана, но еще глупее строить его, не имея права на землю. Придет хозяин участка и либо снесет наш дом, либо выгонит нас из дома, который мы строили для себя’. Хозяин! Вот главная проблема присутствия евреев на чужой земле. Вот в чем суть антисемитизма”<sup>47</sup>.

А пока еврейские поселенцы были в Палестине чужими, а их деятельность – зыбкой с точки зрения экономической безопасности. Еврейским поселениям грозила опасность превратиться в хозяйства, где колонисты обрабатывают землю при помощи аборигенов, оставаясь бесправным меньшинством. Наступал момент истины, ибо право на поселение без каких либо ограничений может предоставить только власть. Но конечная цель еврейского поселения в том, чтобы стать главенствующим национальным сообществом на Земле Израиля, поскольку никакое юридическое право не избавит евреев от неприязни местных жителей. Иначе говоря, безопасность евреев возможна только при условии суверенитета еврейских поселений<sup>48</sup>.

Через двадцать лет после начала реального освоения Палестины (не считая первых спорадических попыток и присутствий) процесс переселения нуждался в регулировании и корректировке, новых задачах, уточнениях и дополнениях. Так, “начавшийся XX век ознаменовался принципиальными изменениями как в размерах и составе иммиграции, так и в регулировании этого процесса международными еврейскими организациями. Среди последних главную роль играла Всемирная сионистская организация (ВСО), под эгидой которой в 1901 году был создан Еврейский национальный фонд. Ему было поручено собирать

пожертвования евреев диаспоры на создание национального очага в Палестине и приобретать участки для еврейских поселений. Руководители ВСО в своей стратегии поселенчества исходили, прежде всего, из прагматических соображений... Кроме того, в начале XX века в новой волне иммиграции, названной 'второй Алией' (слово 'алия' означает на иврите 'возвышение' или 'восхождение', и, согласно еврейской традиции, переезд в Палестину является для евреев возвышением), в отличие от предыдущей волны 80 гг. XIX века, значительную часть составляли юноши и девушки. Им были не нужны семейные фермы. Поток иммигрантов стремительно нарастал (всего за десятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне, в Палестину прибыло 35–40 тысяч человек), и назрела срочная необходимость в создании новых типов сельскохозяйственных поселений, основанных на коллективном труде. В 1908 г. ВСО создала в Палестине свой исполнительный орган – Палестинское бюро, во главе которого встал экономист и социолог Артур Руппин<sup>49</sup>.

Изучению деятельности А. Руппина, одного из ярких практиков освоения Палестины, уделила немало внимания Э. Элазари. Его роль трудно переоценить: "...в своих воспоминаниях А. Руппин описывал лишь малую часть тех проблем, которые вставали перед тем, кто намерен приобрести участок в Палестине: 'Не было ни точного списка участников, ни книги земельных собственников в европейском понимании... не осуществлялось измерение участков, которые лишь описывались при помощи внешних отличительных признаков – типа деревьев, высохших русел рек, песчаных холмов... Размеры площади были не точны... официальное свидетельство приобретения земли было, на первый взгляд, документом, свидетельствующем о том, что продавец передал свои права покупателю, но фактически в нем не было никакой гарантии, что она действительно принадлежит ее хозяину'. Перед приездом А. Руппина в Палестину в ней действовало несколько организаций по приобретению земель. Среди них и сионистские (Национальный еврейский фонд, Одесский комитет – отделение 'Ховевей Цион', которое занималось поселенческой работой в Палестине, и созданное в 1904 г. этой же организацией поселенческое общество 'Геула', а также несионистские организации

(ЕКО и доверенные лица барона Ротшильда, который в 1900 г. объединил свое имущество в Палестине с ЕКО). Все приобретения были сделаны 'по случаю' без планирования на дальнейшее с экономической и политической точек зрения"<sup>50</sup>.

Итак, А. Руппину "было предоставлено право приобретения участков земли и организации новых поселений. Руппин исходил из практических соображений и трезвой оценки возможностей поселенчества с учетом ограниченности выделенных ему средств. Позже он отмечал, что 'дилемма заключалась не в том, какой тип поселений – основанных на семейных фермах или коллективных хозяйствах – предпочтительнее, а в том, будут ли созданы поселения любого типа или их вообще не будет'. ... Поскольку первоначальные затраты на создание коллективных хозяйств были ниже, чем на организацию поселений с семейными фермами, то первым и было отдано предпочтение. В 1909 г. на очередном сионистском конгрессе была одобрена схема организации поселений, предложенная немецким социологом Ф. Опенхеймером, предусматривавшая совместную обработку купленных Еврейским национальным фондом участков группами поселенцев. В семейное подворье включался приусадебный участок, который мог бы удовлетворять часть потребностей в продуктах питания. Что касается заработка, то его размер должен был устанавливаться менеджером поселения в соответствии с квалификацией и продуктивностью труда каждого поселенца. Эта форма организации поселений впервые была использована в 'Мерхавии' – колонии с драматической судьбой, в которой не единожды менялся состав ее обитателей... Одновременно возник другой тип поселений, вряд ли предвиденный зарубежными вождями ВСО. А. Руппин вначале стал создавать специальные фермы для обучения еврейских рабочих, собиравшихся осесть на земле. Одним из таких хозяйств стала ферма 'Кинерет' на берегу одноименного озера. Из-за конфликта с управляющим фермой группа молодых евреев, работавших до этого поденными рабочими на осушении болот, каменотесами и работниками на частных предприятиях, обратилась к Руппину с просьбой предоставить им участок земли для самостоятельной обработки на свой страх и риск. Руппин передал им участок земли, купленной для фермы"<sup>51</sup>.

В это время в Османской империи происходили политические потрясения. Правление Абдул-Хамида II приближалось к концу. Турция вступала в период младотурецких “преобразований” и дальнейшего усиления политической зависимости от германского капитала, что и предопределило участие империи в грядущей войне на стороне блока Центральных держав. Младотурецкие функционеры высказали свое отношение к еврейскому вопросу. Этот аспект также затронула исследовательница Э. Элазари: “6 июля 1908 г. произошла революция младотурок. Султан Абдул Хамид был отстранен, конституция 1876 г. была обновлена и затем провозглашены личная свобода, гражданское и религиозное равенство. Все это пробудило многие надежды. Ахмед-Реза, председатель турецкого парламента, заявил об одобрительном отношении правительства к еврейской иммиграции в страну и об определенных льготах для иммигрантов. В частности, была позволена свободная покупка земель евреями в Палестине. В Стамбуле было создано Бюро сионистской пропаганды, и казалось, что в скором будущем можно будет воплотить в жизнь сионистскую идею в полном взаимодействии с турецкими властями”<sup>52</sup>.

Сионистские лидеры ошибочно видели в этой революции положительное явление, так как прогерманская правящая элита вряд ли могла быть максимально лояльной к заведомо проанглийскому сионистскому движению. Вскоре это стало ясно: “Сионистское руководство заявило, что ‘революция расчистила перед нами путь, причем в таком виде, что мы даже не могли мечтать об этом... все препятствия скоро устранятся’”<sup>53</sup>. Однако надежды не оправдались...

В 1909 г. появилась книга видного голландского сиониста и банкира Якобуса Канна (1872–1944) “Эрец-Исраэль – еврейская страна”. Эта работа четко выразила политические устремления сионистов в Палестине. Книга вызвала волну возмущения в исламском мире, и турки вновь стали относиться к сионистскому движению подозрительно. Декларированное ранее расположение ушло, сионистское руководство и многие активисты почувствовали неприязнь властей по отношению к евреям. Подстрекательские антиеврейские действия арабских представителей в турецком парламенте тоже внесли свой вклад в обострение враждебных чувств. Все попытки сионистского руководства сотрудничать с турецкими вла-

стями ни к чему не привели, и ограничительные законы времен Абдул-Хамида фактически возобновили свое действие. Только дважды открывалась удобная возможность приобрести земли. Вначале – вследствие того положения, которое сложилось в Палестине после греко-турецкой и во время турецко-итальянской войн: “Из-за войны в стране был сильный недостаток в деньгах. Феллахи (которые не желают мобилизоваться в армию) вынуждены иногда продавать свои земли для того, чтобы уехать за границу. Предложений приобретения земель было больше, чем в предыдущие годы, а цены не такие уж высокие”<sup>54</sup>.

Изменения в отношении к еврейскому заселению произошли также в 1913 г., когда в Турции захватила власть группа националистически настроенных экстремистов. 23 января 1913 г. две сотни армейских офицеров под предводительством Энвер-бея и Талаат-бея ворвались в зал заседаний кабинета министров. Они убили военного министра Назым-пашу и его адъютантов, арестовали великого визира, шейх-уль ислама, министров внутренних дел и финансов. В конечном счете, к осени 1913 г. в Османской империи сложилась младотурецкая диктатура триумvirата – Энвер-бея, Талаат-бея и Джемаль-бея<sup>55</sup>.

Новые правители опасались национального арабского движения и поэтому были “склонны видеть в еврейском населении силу, способную остановить его. С помощью Хахам-Баши (главного раввина Османской империи) евреи Стамбула легко добились согласия на приобретение земель в Палестине. Однако эти возможности были краткосрочны. Первая мировая война, разразившаяся в 1914 г., нарушила наметившуюся тенденцию и остановила всю поселенческую деятельность”<sup>56</sup>.

Годы Первой мировой войны практически заморозили процесс освоения Палестины. И если за предшествующие почти 40 лет освоения наблюдались определенные успехи в сельском хозяйстве, то о промышленности региона сказать подобного нельзя. К концу Первой мировой войны, то есть на момент прихода англичан, в палестинской промышленности практически ничего не изменялось на протяжении десятилетий. Она состояла из мелких предприятий, а число занятых на каждом из них рабочих не превышало десяти человек. Эти предприятия перерабатывали продукты местного сельского хозяйства, идущие на экспорт (вино,

фрукты и т. д.). Было также несколько небольших предприятий пищевой промышленности, которые обеспечивали местные нужды. В Яффе и Хайфе работали два завода, изготавливавшие отдельные детали для оросительных сооружений, мукомольных и маслобойных предприятий.

Завершая наше исследование об освоении Палестины, хочется рассказать о самих сельскохозяйственных поселениях – кибуцах. Первое такое поселение основали выходцы из украинских земель: “10 юношей и 2 девушки, земляки из украинского города Ромны, стали основателями первого кибуца ‘Дгания’, годом создания которого одни исследователи считают 1909-й, другие называют 1910 год – в зависимости от выбранной точки отсчета. (В дальнейшем, по мере развития кибуцного движения, годы создания кибуцев определялись в одних случаях по датам формирования коллектива, члены которого собирались вести совместное хозяйство, а в других – по датам получения ими участка земли и стабильного проживания на этом участке). Что касается ‘Дгании’, то создание первого кибуца совпало по времени со строительством первого квартала Тель-Авива – города, положившего начало городскому строительству в еврейском ишуве в Палестине в XX в. Так появилась квуца ‘Дгания’. В переводе с иврита квуца – группа, даган – зерно полевого злака, а дгания – это василек, растущий на полях. Само слово кибуц (коллектив, общество, публика, собрание) как название земледельческих коммун в Палестине появилось позже, в 20-е гг. Молодые евреи-выходцы из России собирались восстановить связь между евреем и землей, утерянную за две тысячи лет изгнания, и жить в гармонии с национальными и религиозными традициями. Вместе с тем они мечтали создать ‘нового еврея’ – с социалистическими идеалами, живущего в справедливом обществе, основанном на полном равенстве и коллективной ответственности”<sup>57</sup>.

Б. И. Дубсон следующим образом описывает основание кибуца: “Превращение заброшенной земли в сельскохозяйственные угодья, испытания голодом, болезнями, отсутствием элементарных бытовых удобств, борьбой, подчас кровавой, с враждебным арабским окружением потребовали не только невероятных физических усилий, но и мужества, а самое главное – энтузиазма. Временами каждый второй из этой группы не мог работать из-за болезни. Далекое не всем были по

нраву и эгалитарные принципы, в соответствии с которыми была организована жизнь в киббце. Но все же группа не распалась, и через пять лет в первом израильском киббце было уже 50 членов. Начав с зерновых, 'Дгания' и возникшая почти одновременно с ней другая квуча – 'Кинерет' постепенно вводили новые отрасли сельскохозяйственного производства. Через пять лет после основания в 'Дгании' приобрели молотилку, затем купили несколько коров. Поселения понемногу крепли, а после Первой мировой войны они получили новые земли, приобретенные Еврейским национальным фондом. Популярное тогда при словье 'дунам тут, дунам там' (дунам – мера площади, равная 0,1 га) отражало готовность поселенцев постепенно развивать свое хозяйство, возделывая все новые земли, где бы их ни приобретали. У первопроходцев из 'Дгании' быстро появились последователи, и к 1914 г. в первых израильских киббцах насчитывалось уже более 800 человек. На фоне многотысячной 'второй Алии' это была относительно скромная цифра, но почин был положен. Во время Первой мировой войны поселенчество почти прекратилось, многие оставили киббуцы, и к 1918 г. в 8 сельскохозяйственных коммунах осталось 200–300 человек. Заметим, что киббуц 'Мерхавия', в котором жила Г. Меир, будущий премьер-министр Израиля, создавался трижды – впервые в 1914 г., затем в 1920 г. Обе попытки закончились неудачей, и лишь с третьего захода в 1929 г. поселенцам удалось создать жизнеспособное хозяйство. Вслед за публикацией правительством Великобритании Декларации Бальфура в 1918 г. ВСО возобновило поселенческую деятельность ускоренными темпами. Этому способствовало заметное увеличение иммиграции в Палестину в 1920–1923 гг. Это была 'третья Алия'. Более половины переселенцев, как и в предыдущих волнах иммиграции, составляли выходцы из России, испытавшие на себе все ужасы Гражданской войны – многочисленные погромы, голод, эпидемии. Остальная часть иммигрантов происходила из стран Восточной Европы – Польши, Литвы, Румынии и других. Всего за 4 года прибыло более 35 тыс. человек. Общим для представителей 'второй' и 'третьей Алий' было отсутствие каких-либо средств для устройства в новой стране и преобладание молодежи, не имевшей профессиональных навыков. Это обстоятельство

крайне усложнило трудоустройство новых поселенцев в Палестине, поскольку еврейский ишув был мал, беден и с экономической точки зрения был просто не в состоянии найти работу и средства существования для новых обитателей страны. Ресурсы международных еврейских организаций, в первую очередь ВСО, были также достаточно скромными. Поэтому использовались любые возможности для обеспечения иммигрантов работой, в частности привлечение их к прокладке дорог. На этих работах были заняты молодежные группы, ожидавшие получения участков для создания новых поселений. Поскольку кибуцы оказались наиболее ‘экономичным’ типом сельских поселений и наиболее привлекательной формой реализации мечты юных романтиков о новой жизни на земле предков, ВСО продолжала выделять деньги на создание новых кибуцев. Уже в 1920 г. в 12 кибуцах насчитывалось более 800 человек, через десять лет население 29 кибуцев составляло 3,9 тыс. человек. Была разработана новая концепция создания крупных кибуцев<sup>58</sup>.

Мы не случайно завершаем именно этим материалом. Кибуцы – пример самоотверженного освоения Палестины и умения продуктивно работать, невзирая на трудности и лишения, которых было много.

Характеризуя социально-экономические процессы в 1881–1920 гг., целесообразно говорить именно об освоении, а не о колонизации в чистом виде, хотя ее элементов нельзя отрицать. Категория “освоение” приемлема как с экономической точки зрения (в силу того, что еврейские переселенцы смогли превратить османское захолустье в оживленный экономический регион современного мира), так и с социально-политической, ибо первые поселения и хозяйственная деятельность стали прологом к (вос)созданию Государства Израиль.

Однако элемент колонизации, несомненно, присутствовал. Его можно проследить и в связи сионистского движения с историей Европы, и в том, что Палестину издавна колонизировали европейцы, для которых она была важным духовным ориентиром иудео-христианской цивилизации. В процессе этой колонизации европейские страны, безусловно, помогли преследуемым ими же евреям. Европейский мир, как и еврейство, нуждался в том, чтобы Палестина “возвратилась” (категория скорее социокультурная, нежели реально-историческая) в



лоно западной истории. И здесь можно говорить о симбиозе большой политики и сионистского движения в его социально-экономической проекции.

По мере освоения региона на смену доминировавшим религиозно-экономическим мотивам приходили политические. Евреи больше не хотели строить дом на чужой земле и тем более не хотели быть чужими на земле библейского Израиля.

Сионистское освоение Палестины можно рассматривать как естественный процесс расширения европоцентристского мира. На данном этапе оно носило мирный и юридически законный характер, заложив основу для реального создания “национального очага” в годы британского мандата.

---

<sup>1</sup> Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за “Османское наследство”. 1918–1923. Москва, 2010. С. 40.

<sup>2</sup> Гвати Х. Киббуц: так мы живем. Санкт-Петербург, 1992. С. 9.

<sup>3</sup> Нетаниягу Б. Пять отцов основателей. Минск–Москва, 2006. С. 7–8.

<sup>4</sup> Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Москва, 1992. С. 74.

<sup>5</sup> Нетаниягу Б. Пять отцов основателей. С. 14–17.

<sup>6</sup> Герцль Т., Пинскер Л. Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса. Автоэмансипация. Призыв русского еврея к своим соплеменникам. Москва, 2008. 187 с.

<sup>7</sup> Дубсон Б. И. Киббуцы. Путешествие в светлое будущее и обратно. Москва, 2008. 336 с.

<sup>8</sup> Гвати Х. Киббуц: так мы живем. 256 с.

<sup>9</sup> Элазари Э. Артур Руппин и реализация сионистской программы заселения и развития Палестины (1908–1943 гг.): Дис. канд. ист. наук: спец. 07.00.03 “Всеобщая история”. Москва, 2002. 170 с.

<sup>10</sup> Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект (1897–2009 гг.) / Под ред. С. С. Щевелева. Симферополь–Киев, 2011. 512 с.

<sup>11</sup> Элазари Э. Артур Руппин и реализация сионистской программы заселения и развития Палестины. С. 31.

<sup>12</sup> История дипломатии / Сост. А. Лактионов. Москва, 2006. С. 468.

<sup>13</sup> Элазари Э. Артур Руппин и реализация сионистской программы заселения и развития Палестины. С. 31.

<sup>14</sup> Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. Москва–Санкт-

Петербург, 2007. С. 22.

<sup>15</sup> Элазари Э. Артур Руппин и реализация сионистской программы заселения и развития Палестины. С. 32.

<sup>16</sup> Нетаниягу Б. Пять отцов основателей. С. 18.

<sup>17</sup> Пилкингтон С. М. Иудаизм. Москва, 1998. С. 362.

<sup>18</sup> Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект. С. 3.

<sup>19</sup> Новейшая история арабских стран Азии, 1917–1985. Москва, 1988. С. 199.

<sup>20</sup> Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект. С. 3–4.

<sup>21</sup> Элазари Э. Артур Руппин и реализация сионистской программы заселения и развития Палестины. С. 32.

<sup>22</sup> Там же. С. 33.

<sup>23</sup> Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект. С. 4.

<sup>24</sup> Эпштейн А. Возрождение еврейской государственности и нерешенный “еврейский вопрос”. Киев, 2011. С. 32.

<sup>25</sup> Близняков Р. А. Рецензия: А. Эпштейн. Возрождение еврейской государственности и нерешенный “еврейский вопрос” / Українська орієнталістика: спеціальний випуск з юдаїки / Під ред. В. Черноіваненка. Київ, 2011. С. 402–407.

<sup>26</sup> Нетаниягу Б. Пять отцов основателей. С. 9.

<sup>27</sup> Там же. С. 14–17.

<sup>28</sup> Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект. С. 4–5.

<sup>29</sup> Элазари Э. Артур Руппин и реализация сионистской программы заселения и развития Палестины. С. 33.

<sup>30</sup> Koestler A. Promise and Fulfillment: Palestine, 1917–1949. London, 1949. P. 28.

<sup>31</sup> Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект. С. 50–51.

<sup>32</sup> Элазари Э. Артур Руппин и реализация сионистской программы заселения и развития Палестины. С. 33.

<sup>33</sup> Герцль Т. Еврейское государство: опыт современного решения еврейского вопроса / Герцль Т., Пинскер Л. Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса. Автоэмансипация. Призыв русского еврея к своим соплеменникам. С. 64–65.

<sup>34</sup> Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект. С. 51.

<sup>35</sup> Дубсон Б. И. Кибуцы. Москва, 2008. С. 7–9.

<sup>36</sup> Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект. С. 52.

- <sup>37</sup> Волков А. Б. Военно-политические аспекты израильского капитализма // Народы Азии и Африки. 1972. № 3. С. 47.
- <sup>38</sup> Лебрехт Г. Агрессивный курс правящих кругов Израиля и политика коммунистической партии // Народы Азии и Африки. 1969. № 6. С. 37.
- <sup>39</sup> Shafir G. Land, Labor and Origins of the Israeli-Palestinian Conflict, 1882–1914. Cambridge, 1989. P. 200.
- <sup>40</sup> Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект. С. 53.
- <sup>41</sup> Palestine Royal Commission. Report Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. July, 1937. London, 1937. P. 35.
- <sup>42</sup> Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект. С. 54.
- <sup>43</sup> Friedlander D., Goldscheider C. The Population of Israel. New-York, 1979. Pp. 15–16.
- <sup>44</sup> Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект. С. 91–93.
- <sup>45</sup> Эпштейн А. Возрождение еврейской государственности и нерешенный “еврейский вопрос”. С. 4.
- <sup>46</sup> Нетаниягу Б. Пять отцов основателей. С. 81.
- <sup>47</sup> Там же. С. 85.
- <sup>48</sup> Там же. С. 86.
- <sup>49</sup> Дубсон Б. И. Кибуцы. С. 9.
- <sup>50</sup> Элазари Э. Артур Руппин и реализация сионистской программы заселения и развития Палестины. С. 36.
- <sup>51</sup> Дубсон Б. И. Кибуцы. С. 9.
- <sup>52</sup> Элазари Э. Артур Руппин и реализация сионистской программы заселения и развития Палестины. С. 34.
- <sup>53</sup> Там же.
- <sup>54</sup> Там же.
- <sup>55</sup> Дрогозов И. Г. Турецкий марш: Турция в огне сражений. Минск, 2007. С. 22.
- <sup>56</sup> Элазари Э. Артур Руппин и реализация сионистской программы заселения и развития Палестины. С. 55–56.
- <sup>57</sup> Дубсон Б. И. Кибуцы. С. 11.
- <sup>58</sup> Там же. С. 12–13.

**Abstract**

**Roman Bliznyakov, Dmitri Malyshev, Sergey Shchevelyov. Zionist Resettlement in Palestine before the British Mandate: Socio-economic Aspect (1881–1920).**

The Zionist resettlement in Palestine in 1881–1920 is a unique experience of developing a peripheral region, which laid the foundation for its transformation into one of the centers of the modern world economy. It began and was realized, first of all, in the socio-economic sphere, and only after that – in the sphere of political relations, if we speak not about global, but about regional or local perspectives, not about a theory (Zionist), but about the concrete practice which is particular for the region. It would be quite incorrect to study this problem exceptionally in terms of colonialism, because “the Jews have never abandoned The Promised Land forever since they were banished from there by the Emperor Adrian’s legionaries in the II century A. D. But before 1881 they settled in Holy land to study Torah, to pray for all people of Israel in holy cities, to live here on offerings collected for them by co-religionists all over the world, and post mortem – to be buried in this land”.

The connection of the Jews and Jewry with Palestine had never been interrupted, but from the beginning of the 1880s the resettlement in Palestine began at an absolutely different level. However, speaking about socio-economic processes in 1881–1920, it is reasonable to speak precisely about resettlement, but not about colonization in its pure form, though the element of colonization cannot be denied. The term “resettlement” is acceptable both from the economic point of view (as the Jewish migrants were able to turn an Ottoman remote place into a busy economic region of the modern world) and from socio-political point of view, because the first settlements and economic activity are a prologue to creation of the State of Israel.

The element of colonization was also present. Its presence can be traced both in connection of Zionist movement with the history of Europe and with the fact that Palestine was a region, colonized by Europeans since a long-ago. In the process of colonization, the European countries, undoubtedly, helped the Jews persecuted by these countries. The European world needed the “return”

(the term is more socio-cultural than historical) of Palestine in the centre of the European history and policy. And it is possible to speak about symbiosis of the European policy and Zionist movement in its socio-economic sphere.

As resettlement was occurring, the predominance of religious and economic reasons changed into political ones. The Jews no longer wanted to build a house on a foreign land and, moreover, did not want to be foreigners on the land of Biblical Israel.

The Zionist resettlement in Palestine can be studied as a natural process of expansion of the Europocentric world. The resettlement at this stage had peaceful and legal character, laying the foundation for creation of “national home” in the years of the British Mandate.